

ДВАДЦАТАЯ

Джип Audi Q7 мирно летел по небу. Он только что родился и чувствовал себя невинным, неземным созданием. Под его чистыми колесами простирались поля и перелески. Пропел деревянный рог пастуха. Смешная корова подняла голову и сладко звякнула колокольчиком. Вдруг какая-то непреодолимая сила стала тянуть Audi Q7 вниз. Куда? Зачем? Ведь и так все было неплохо. Этот прекрасный мир стал сужаться и выталкивать его вон. Идиллические стежки-дорожки при ближайшем рассмотрении оказались реками грязи. Небесный джип, издавая отчаянное жужжание, плюхается в лужу. Ошалевшая корова бежит прочь, гремя бубенцом.

За кадром раздался идиотский голос Бориса Щукина: «Ауди» — машина для деревни! Конец ролика. Серебристая рябь экрана. Команда stop. Команда eject.

Лицо Смаровского выразило отчаянное недовольство человека, которого огорчили еще раньше, чем он успел окончательно проснуться, и поэтому у него

даже нет сил как следует рассердиться. По всей видимости, Борис оставил этот диск в его DVD-плеере во время своего последнего визита пару дней назад — заменив им диск со специальным оптимистичным роликом для побудки. И вот теперь — этот мерзкий ролик с утра испортил ему настроение в такой важный день.

Смаровский в последнее время не в меру восторгался внедорожником Audi Q7. А Щукин любил развлекаться тем, что улавливал эмоции друзей и всеми средствами доводил их до абсурда. В последнее время Борис подкалывал Андрея на тему его страсти к новой машине чуть ли не ежеминутно. В электронном почтовом ящике Андрея уже побывали все приколы на тему Audi, какие только есть в Рунете. Миниатюрные модельки этой машины подстерегали Смаровского в самых неожиданных местах. Вместо рабочих документов в своих папках он уже несколько раз обнаруживал рекламную продукцию автоконцерна, а память мобильного телефона загибалась под натиском SMS-новостей Audi — каким образом Борису удалось подписать его на эту рассылку без его согласия, Андрей так и не понял. И вот теперь — этот идиотский анимационный ролик: вместо «Ауди» — машина для вселенной» — «Ауди» — машина для деревни». Ну не мудак ли?!

Андрей достал из кармана своего халата мобильник, взял его в левую (да, в левую!) руку и набрал номер, заканчивающийся на 666. Мудак Щукин очень

гордился этой фишкой — заставить любого, кто ему звонит, принимать число зверя. «Если человек способен спокойно относиться к трем шестеркам, значит, он достоин того, чтобы я ответил на его звонок», — объяснял свою идею Борис. Впрочем, из этой ловушки знакомые Щукина находили лазейку. Все, для кого христианство было не просто словом на букву «х», набирали этот номер, держа телефон в левой руке. Поэтому что в Евангелии сказано, что место для печати антихриста — чело и десница. А десница — это рука правая.

— Борис, это такая шутка юмора, да?
— Тебе не понравилось?
— А по морде?
— По морде нельзя. Она у меня опухшая. Может отпружинить.

— Тебе страшно повезло. Ты подсунул мне это говоно именно в тот день, когда я не имею возможности спорить с тобой, — Андрей щелкнул кнопкой, и беговая дорожка под его ногами привычно пришла в движение: пять километров в час, семь, десять... — Но за это ты будешь сегодня прикрывать меня на всех фронтах. First of all: кровь из носа, нужен заключительный текст на водку «Яд». Мы должны получить этого клиента на перспективу! Плюс: в десять утра, вспоминай, съемка йогуртов. Даблплюс: ты обещал пять вариантов на «Ауди». Подчеркиваю — адекватных, а не для деревни! Зафиксировал?

Пятнадцать километров в час... Восемнадцать...

— Андрей! Иди в жопу, у меня сегодня именины. И вечером я иду на важный стриптиз.

— Ага, именины. Телефонный номер у тебя с числом зверя, зато все святые Борисы в истории церкви — это твои покровители. Сколько раз в году ты празднешь именины? Пять, кажется. Или шесть?

— Главное, не количество, а качество. Прошлые именины, по-моему, не очень удались — кстати, из-за тебя...

Ну, да, конечно, это Андрей виноват, что в тот вечер они не поехали в сауну. Смаровский сказал, что он не может, потому что женат, и все остальные вдруг тоже вспомнили о супружеской верности. Двадцать два километра в час... Двадцать один...

— Борис, эти именины тоже, считай, обломались.

— Не-е, мы так не договаривались... это против правил... Именины — это святое...

— Я отвез Таню в роддом. У нее отошли воды.

Схватки могут начаться в любой момент. Будь человеком.

— Схватки. Бои без правил. Цена успеха. Как тебе слоган для перинатального центра?

— Борис, я серьезно. Один раз в жизни. Выручи. Посиди вместо меня.

Двадцать... Девятнадцать...

— А ты что, больше рожать не будешь? Ты, кстати, чего так тяжело дышишь? Ты там чем занимаешься?! Таню в роддом отвез, говоришь? А кто ее у тебя там заменяет?

— Дурак! Между прочим, в моем шкафу висит куртка HUGO BOSS, которую ты забыл у меня во время прошлых именин. И она белого цвета. А кофе, который у меня сейчас в руках, — черного. И я как раз иду в коридор. А выспался я плохо и в любой момент могу выронить чашку из рук.

— Ладно. Я еду плескаться в морской воде на Талалихина. А ты давай к Тане. Я твою задницу прикрою. Учи — своей. С тебя жертва.

— Спасибо.

— Да ладно, Таню от меня поцелуй.

— Сам поцелуешь. И номер телефона смени.

— Никогда!

Пятнадцать километров в час... Десять... Пять... Ноль...

Андрей и Борис были друзьями. Близкими, как первые буквы их имен в алфавите. Познакомились они в студенческой общаге на улице Зацепы. Андрей там жил, а Борис приходил в гости к своей возлюбленной — молодой ингушке со сладким и каким-то некавказским именем Малина. Их отношения длились год и за все это время так и остались платоническими. Дочь вайнахского народа по-своему отвечала Борису взаимностью. В знак своей неземной любви она даже пришла однажды на факультет в день его рождения в своем национальном костюме. В тот день Щукин сказал Андрею, что такого кайфа не испытывал даже тогда, когда девушки дарили ему на день рождения себя.

Все подробности отношений Бориса и Малины можно было прочитать на двери комнаты, где она жила. Не застав свою возлюбленную дома, Борис обычно писал ей маркером все, что хотел сказать. Она ему отвечала. Сначала эти письмена занимали только дверь, потом переползли на стену, наконец они добрались до входа в соседнюю комнату, где жил Андрей. Чтобы хоть как-то защитить свои ворота, Смаровскому пришлось подключиться к переписке. «Это сакральная дверь! — написал он поперек тому направлению, в котором двигались каракули Бориса и Малины. — За ней творится новый мир. Просьба не беспокоить!» Так и познакомились.

Андрей и Борис подружились быстро и крепко, несмотря на то что трудно было найти более разных людей. Щукин родился не в Камышине, а в Москве. Папа у него был не десантник, а дипломат. И в восьмидесятых он не воевал в Афганистане, а работал в советском торговом представительстве в Японии. А когда в начале девяностых в Камышине начал трещать по швам текстильный комбинат, папа Бори Щукина уже становился генеральным дистрибутором одной очень серьезной японской корпорации. Вместе с тем Щукин-старший не был классическим нуворишием, а Щукин-младший нисколько не походил на сынка «нового русского». С первого взгляда он скорее напоминал современный апгрейд Костика из фильма «Покровские ворота» в исполнении Олега Меньшикова — неуемного, честного иечно играющего

в самого себя. Андрей очень удивился, когда через пару месяцев после знакомства узнал про квартиру в переулках Арбата, особняк в Жуковке и порядок сумм, под которыми ставит подписи рука Бориного папы. Если бы Смаровский знал об этом раньше, едва ли они сошлись бы так легко. Помешал бы пролетарский комплекс: там, где есть разница положений, не может быть искренности. Но отступать уже было поздно. Да и не было уже никакого комплекса. Борис был абсолютно нормальным парнем. За первые два месяца знакомства он успел провести по пьяни ночь в телефонной будке у главного входа в «Плещку», проучиться целый день в институте в женском обличье — так, что никто из преподавателей этого не заметил — и даже занял однажды у Андрея денег.

Родители Щукина были людьми умными и своего отпрysка не баловали. Борис поступил в вуз без всякого блата, а в денежных отношениях между ним и отцом действовала жесткая бухгалтерская схема: в день — двойные суточные, установленные Минфином, и ни копейки больше. Когда в общаге у Бориса украли пальто за тысячу долларов, пapa дал ему денег в кредит под проценты, и Щукину пришлось полгода петь по вечерам под гитару в переходе, чтобы отработать долг. Да и в мирное время он не раз вместе с Андреем подрабатывал, где придется. Однажды даже чистил обувь. Купил по случаю у какой-то старушки в городе Калязине раритетный сундук обувщика, взял магнитофон с записями сороковых

годов и на входе в метро «Серпуховская» под «Рио-Риту» почти месяц натирал до блеска ботинки изумленным прохожим. Двумя щётками, как герои «советских вестернов» про Гражданскую войну.

Трижды Андрей с Борисом совместно получали зды, четыре раза давали зды сами. Однажды Андрей спас Борису жизнь, а Борис Андрея как-то раз вытащил из милиции. Были две девушки, с которыми каждый из них в разные периоды жизни пообщался организмами. Была одна барышня, которая их чуть насмерть не рассорила, но ее вовремя посадили за хранение наркотиков. В общем, к выпускным экзаменам между ними случилось уже много такого, что делает просто приятельские отношения двух студентов настоящей дружбой двух мужчин, имеющей все шансы дотянуть до самой старости.

Несмотря на то что Борис пришел в Bad boys сразу после выпуска, а Андрей лишь спустя три года, к тридцати годам Смаровский уже успел стать арт-директором, а Щукин оставался пусть самым ценным в агентстве, но все же копирайтером. Бориса не интересовала иерархическая лестница. Для него бизнес был не восхождением, а площадкой для игры. Театром, в котором вместо публики — деньги. Если актер играет хорошо, деньги к нему идут. Если плохо — они идут к другому. Но вместе с тем к этой «публике» Борис был равнодушен. Он играл прежде всего для себя. Все его жизненные напряги были лишь непростыми эпизодами в телесериале, исход

которого известен заранее. В какие бы передряги ни затянуло Бориса, рано или поздно он все равно унаследует бизнес отца. Поэтому, совершая по жизни похожие движения, добиваясь одних и тех же целей, поднимаясь на близкие высоты, Андрей и Борис все же были непохожи в главном. Слишком разной для них была цена ошибки. Борис был внутренне раскрепощен, Андрей — сконцентрирован. Борис чувствовал, что успех — это игра ума, Андрей считал, что игра ума — это путь к успеху. Оба они мечтали не просто заработать денег, а совершить в этом мире что-то переломное. Но образ действия у каждого был свой. Борис чувствовал себя эпицентром какого-то вихревого потока, который рано или поздно вовлечет в себя этот мир целиком и выпустит его обратно уже совершенно иным. Для Андрея этот мир был сложным и очень тонким механизмом, в котором он должен найти ту единственную пружинку, чья замена заставит этот механизм работать совсем по-другому.

Но пока он не нашел ту самую пружинку, главное для него было — не разрушить этот механизм.

— Ну вот! Теперь «Маккона» есть и у меня дома!

Раздался тихий щелчок. По столу поползло пятно цвета гнилого абрикоса. Кофе в треснутой чашке стал быстро убывать. И хотя он перетекал не в организм Андрея, по мозгам прошелестел заряд легкой злости, а по телу — бодрости. То, что надо для начала дня. Пора на выход.

Я разбил любимую чашку.
Целый год я пивал из нее красный чай.
Я до звездочки знаю бедняжку.
Мне в ней было тепло.
Я глотал из нее, что за день с головы натекло.
Не добро и не зло...

С тех пор, как Андрей стал практиковать методику улучшения памяти, стихи-упражнения сами приходили на ум, когда оказывались в тему. Тренировать память Смаровский считал необходимым. Болезнью двадцать первого века станет склероз. Точнее — атрофия памяти. Он недавно прочитал об этом в журнале «Медведь», но уже давно Андрей подозревал, что случится что-то в этом роде. Чем больше объем информации, с которым человечеству приходится иметь дело, тем больше запоминающих устройств, а чем больше искусственной памяти — тем сильнее сдают позиции собственные мозги. Он давно уже чувствовал это на себе. Человеческий организм — это ведь страшно ленивое создание. Он всегда действует по принципу экономии — это Смаровский узнал еще в «Плешке», на лекциях руководителя кафедры по человеческим ресурсам. Если вкалывать в организм наркотик, он перестанет вырабатывать собственные эндоморфины, и наступит зависимость от внешних. А если перекладывать нужную тебе информацию в железо компьютера, то со временем превратишься в сгусток амнезии. Окружающая действительность с каждым

днем доказывает это все нагляднее. Большинство из его знакомых уже не помнят номера телефонов даже ближайших родственников и друзей.

Чем дальше общество погружается в информационный век, тем сложнее становится добиться эффективности человеческого ресурса. Поэтому спустя год после того, как Смаровский записался в фитнес-центр, он решил, что пора тренировать не только тело, но и мозги. Для начала он стер в мобильнике телефонную книжку и стал все номера набирать по памяти. А потом Тане подруга посоветовала книгу «Оптимизация памяти. Для тех, кто хочет все помнить». Щукин, когда увидел обложку, долго смеялся: «Жесткач! Ты представляешь — все помнить! Старики — все помнить ни в коем случае нельзя. Если бы я все помнил, я бы уже давно повесился».

Андрей включил магнитолу:

«Итак, вы вышли из дома, — сказал голос из магнитолы. — Ваш автомобиль спит у подъезда. На чем вы ездите, задумайтесь об этом...»

Андрей задумался. Не об автомобиле, а о том, как все-таки сухой порядок неумолимо вкрадывается в твою жизнь. И если ты не хочешь оказаться на обочине, то придется найти ему в своем сознании достойное место. Еще лет пять назад, если бы кто-нибудь сказал ему, что он будет пользоваться дисками типа «Татьяна Логинова. Тренинг для тех, кто хочет быть успешным», он бы ответил, что лучше уйдет в монастырь. Правильные люди вызывали у него дикую

жалость. Как можно жить в определенном формате? Зачем себя дрессировать? Разве не достаточно для успеха просто быть самим собой?

«...Автомобиль — это продолжение вашего стиля. Автомобиль является частью вашей самопрезентации. Того, как вы преподносите себя людям...»

Да, конечно, быть самим собой — это очень важно. Без этого нет успеха. Но еще важнее определиться — что именно стоит за этими словами. Как самого себя правильно приготовить и подать самому себе на стол.

Чем дальше Смаровский уходил за двадцать пять, тем больше понимал, насколько коварное понятие это «оставаться самим собой». Кто у нас остается сам собой? Неформалы с Арбата, которые в восемнадцать лет воюют против майнстрима с бутылкой пива в руках, купленной на родительские деньги, а в двадцать пять с опухшими мордами и в вонючей одежде занимаются попрошайничеством ради очередной революционной выпивки? Или у нас сами собой являются нищие патриоты, которые сутками херачатся на интернет-форумах, виртуально спасая Россию, а потом стреляют деньги у знакомых на очередной платеж в «Стрим». Или завсегдатаи «ОГИ» с «Пирогами», которые к своим тридцати годам имеют пятьсот френдов в личном блоге, жесткий потолок в карьере, неприятные воспоминания о распавшейся из-за «духовной несовместимости» семье, предчувствие катастрофы в лице подрастающего ребенка, который вызывает все больше раздражения своей неуправляемостью, и малоуспешные попытки

гармонизировать весь этот жизненный бардак какой-нибудь спендикирченной философией? Если все эти люди являются сами собой, то, значит, «человек оставшийся самим собой» — это синоним слова «неудачник».

«...Спорткар делает вас в глазах окружающих успешным, но слегка авантюрным человеком. Солидное бизнес-авто говорит об уровне успеха, которого вы достигли. Машины класса «поло» и «гольф» представляют вас как человека, который привык считать свои деньги и не выбрасывать их на ветер. Что наиболее подходит для вас — решайте сами. Лично я выбираю динамичные спорткары, потому что не боюсь перемен, новых оригинальных идей и решений в бизнесе...»

If you won't change the changes, then the changes will change you. В конце концов, Смаровский пришел к твердому убеждению, что самим собой надо не оставаться, а становиться. Нет ни одного человека, который собой родился. Оставаться самим собой — это эвфемизм деградации. Становиться самим собой — тяжелый путь, требующий колossalного труда, терпения, стойкости и кротости, но альтернативы ему нет. Каждый человек — менеджер самого себя. Своего человеческого ресурса. И, в сущности, на этом пути гораздо более христианских добродетелей, чем где бы то ни было еще. Менеджерский корпус — это духовенство современного мира. На нем держится планетарное благополучие. На его деловых и моральных качествах. Если завтра все менеджеры мира решат не становиться, а оставаться самими собой, этот мир рухнет.

В этой одновременно трудной и удобной системе ценностей Смаровский жил последние два-три года. И с каждым годом все острее чувствовал, насколько она верна. Сначала каждый прошедший месяц, потом каждая минувшая неделя, наконец, каждый истекший день — доказывали ему ее правильность и перспективность.

«...Мой офис — это моя церковь, а моя молитва — это мой труд. Все проблемы остаются снаружи. Ничто не должно мне мешать настроиться на максимально плодотворный трудовой день. Я никогда не опаздываю. Опоздания — это воровство времени у клиента, а время — самый невосполнимый ресурс. Пробки, плохие дороги, ненастная погода, техническое состояние вашей машины — ничто не является оправданием для столь явного неуважения к делу, которым ты занимаешься. Лучше сделать какую-то домашнюю мелочь позже, чем начинать день с опоздания и до самого вечера чувствовать себя недовольным собой».

Андрей посмотрел на часы: полдесятого. Сколько?!

Ах, да — сегодня не на работу, а в роддом. Это, кстати, совсем рядом с тем бассейном, где плещется Щукин. Он обещал ей жертву? Вон она, жертва, — на витрине магазина для дайверов. Андрей резко затормозил и припарковался прямо рядом с манекеном в полном подводном снаряжении. Смаровский немного знал лично хозяина сети этих магазинов — молодого и энергичного человека по имени Михаил. Когда тот окончил биофак МГУ, перед ним встал тот

же выбор, что и перед Андреем — наука или бизнес. И, в отличие от Смаровского, он выбрал первое. Прошли пять лет, и он стал уважаемым, перспективным, но нищим научным специалистом по кольчатым червям. Женившись, он понял, что одними червями сыт не будешь и надо рвать с наукой. Но как? За пределами своей лаборатории он — полный ноль. Есть только один шанс. Как и любой специалист по беспозвоночным, кроме своих слизней и пиявок, Михаил владел искусством подводного плавания. По той простой причине, что за объектами своих исследований ему приходилось время от времени нырять в море. Этим шансом он воспользовался в полной мере. Сначала учредил Клуб подводного плавания МГУ, потом на его базе создал фирму и за десять лет дорос до владельца крупнейшей в России торговой сети снаряжения для дайвинга. А в последние пару лет открыл еще одно направление — дайвинг-туризм. Именно на первой базе для подледного плавания, которую Михаил построил на Белом море, они и познакомились. Это был человек, который ни на секунду не впадал в негатив и вместе с тем никогда не страдал ложным стыдом и застенчивостью, которые так часто мешают хорошим людям из науки преуспеть в бизнесе. Что бы ни говорили поборники экстремального альтруизма, самое трудное в этой жизни — это не снять с себя последнюю рубаху, а сказать уверенно и спокойно: «Мои услуги стоят столько-то». И назвать адекватную цену — ни меньше ни больше. И не краснеть.

И выполнить все, что обещал. Это гораздо честнее, чем по малодушию запросить меньшее, а потом жалеть об этом, кормить себя желчью и отыгрываться на мелочах. После той поездки на Белое море Андрей испытывал какое-то особое удовольствие, покупая снаряжение для дайвинга именно в магазинах, принадлежащих Михаилу. Для него это была не просто покупка, а инвестирование в образ жизни человека, к которому он испытывал уважение.

На ногах у манекена в витрине магазина — белые ласты. Это то, что нужно. На своих последних именинах Борис всех достал тем, что хочет именно белые ласты. Даже выбежал на балкон и орал что-то по этому поводу. Ну что ж, придется работникам магазина своего манекена переобуть. Будут Щукину ласты, заслужил. И пожалуй, стоит подарить их ему прямо сейчас. Заехать в бассейн на Талалихина и торжественно вручить — благо, что это по дороге. Борис — человек надежный, но память он не тренирует. Поэтому лишний раз напомнить ему о том, что он должен сегодня сделать вместо него, — не повредит.

Над головой — свежее бирюзовое небо. Подвижное, как будто его сначала сняли на видеокамеру, а потом воспроизвели в ускоренном режиме. С небес торчат двадцать стройных, как кубинские сигары, женских ног. Борис любил заниматься дайвингом в этом бассейне именно с восьми до девяти утра — одновременно с секцией синхронного плавания. Даже в водной

стихии он умудрялся флиртовать со спортсменками. Делал он это очень просто: с самого дна пускал вверх тучи пузырей так, чтобы они обволакивали тело выбранной им жертвы. Тренер по синхронному плаванию, которая стояла на суше, пока ни разу не догадалась, почему то одна, то другая ее подопечная вдруг ни с того ни с сего сбивается с ритма и краснеет.

На минуту гимнастки-синхронистки перестали делать свои упражнения, небеса над головой Бориса успокоились, и сквозь них он отчетливо увидел знакомое лицо Андрея. Щукин оттолкнулся ногами от кафельного дна, небесный лик Смаровского стал увеличиваться с каждой секундой, пока, наконец, Борис не вынырнул из атмосферы, оставив ее у себя под мышками. В тот же момент в Андрея полетели соленые брызги, а в Щукина — белые ласты:

— Прими жертву, сантехник!

С тех пор как они с Борисом занялись подледным дайвингом, слово «сантехник» стало у них основным обращением друг к другу. Это обращение придумал Андрей, как только увидел первый раз, как Борис с фонариком во лбу выныривает из проруби, как будто из люка. Вылитый сантехник.

Щукин снял маску, сфокусировал зрение на ластах, издал радостный возглас и ушел под воду прямо с распахнутым ртом.

— Андрюха, ты гигант, — произнес он сквозь кашель. — Когда я стану президентом США, я снесу статую Свободы и поставлю вместо нее памятник тебе!

В ответ Смаровский постучал пальцем по циферблату.

— Борис, не подставляй гиганта. Ровно в десять съемка. Ехать тебе двадцать минут, десять минут соxнуть, еще десять ты будешь болтать с Леночкой.

— С какой Леночкой?

— Найдешь с какой.

— Андрей, а как же концептуальные испытания?

Ты ведь обидишься, если я не опробую подарок.

— А ну верни. Я передумал.

— Нет, нет! Я согласен! — Щукин выскочил на кафельный бортик, как ошпаренный, — я на все согласен! Куда идти, что делать? Где Леночка? Дай-ка сюда, — он снял с Андрея галстук, надел на свое голое тело и пошел в душевую. В это же время из бассейна начали выбираться гимнастки-синхронистки. Услышав фразу «где Леночка», одна из них — та самая, которой сегодня досталось больше всего пузырей, — посмотрела на Щукина призывным взглядом.

Будем, Леночка, жить изнемогая —
просыпаться вечером и ночью,
заниматься делом и водою.

Будем, Леночка, жить не разгибаясь —
чтобы всем стало страшно:
и нам, и Татьяне, и мамочке, и папе.

Не притронемся друг к другу никогда.

— Борис! Взялся помогать — помогай. Сконцентрируйся, я тебя очень прошу, не подставь меня.

На корпоративной вечеринке меня тоже не будет, вот документы — подготовься. Водка «Яд» — это стратегический клиент.

— Да, ладно, я че... Стратегический — так стратегический. «Водка — «Яд». Трезвый взгляд». Нравится? Записать? Или так: «А у нас все по-честному. Водка — яд».

— Мне пора в роддом. Сегодня я — это ты. Фонтируй, Самсон.

«Загруженность дорог оценивается как высокая, — прошепестело радио. — Как всегда, стоит Варшавка. Из-за ДТП собирается серьезная пробка на Большой Черемушкинской. Об этом нам сообщила Лягушонка в коробочке. Традиционный стояк на внешнем радиусе Третьего кольца перед пересечением с Шереметьевской улицей. По слухам очередного футбольного матча перекрыта улица Восточная — об этом рапортует наш старый друг Гутен Морган на «Фольксвагене». Если вам посчастливилось попасть в пробку или выбраться из нее — предупреждайте наших слушателей по телефону...»

В салоне заиграла песня «С чего начинается родина». Таня. Эту мелодию Андрей присвоил ее номеру, когда в Праге узнал, что по-чешски «родина» — это семья. С тех пор это слово прочно вошло в их семейный лексикон. Когда Смаровский задерживался на работе, Таня звонила и спрашивала: «Не пора ли Штирлицу на родину?»

— Кисюша моя, ты проснулась?

— Да, родной. Я тебя жду. У меня уже потихоньку учащаются схватки. Были раз в полчаса, теперь уже раз в двадцать минут.

— Ты там одна? Где медсестра? Я еду. Я тебя люблю. Я от тебя в семнадцати минутах.

— Не спеши, все хорошо, Андрюша. Врач говорит, что, скорее всего, роды начнутся вечером. Мне сегодня приснились помидоры. Сочные помидоры. Это к чему?

— Тебе просто надо поесть, Таня. Дай трубку медсестре.

— Ты не куришь?

— Нет. Мы же договорились. Я помню. Подожди, зайка, у меня вторая линия.

Кто-то пробился с работы. Я же просил не беспокоить.

— Андрей Игоревич, — в трубке раздался голос офис-менеджера Светы. — Мануил Петрович попросил меня передать вам, что в офисе вас ждет заказчик.

— Какой еще заказчик? Я никому не назначал...

— Королева йогуртов, — полуслепотом сообщила Света. — Во всем своем величии.

Fucking shit! Только этого не хватало. Королева йогуртов — это клиент, перед встречей с которым нужно ходить к психологу минимум неделю. Смировский занимался ее проектом, но до сих пор Бог берег от личной встречи. Он уже почти был уверен,

что контакта не будет вообще, и на тебе — это случилось именно сегодня.

— Светочка, рыбка, умоляю, у меня жена рожает, позвони Борису, он все сделает. Хорошо? Постарайся, я тебя очень прошу. Если получится — с меня поход в суши-бар. Ну все, пока.

От волнения Андрей нечаянно отрубил обе линии.

Он понимал, что, если Мануил упрется, никакая Света ни на что не способна. Смаровский полез в бардачок, достал пачку, распечатал и закурил. Ну, да, он обещал больше не курить. И больше не будет. Пусть это будет последняя пачка. Бросать надо так, чтобы запомнилось на всю жизнь. А он даже не помнит, как вчера выкурил последнюю сигарету. Пусть это будут двадцать сигарет почета. Пусть он запомнит их на всю жизнь. Каждую. Наверное, сейчас позвонит Таня. Она ведь все чувствует. Десять секунд, двадцать, минута, две. Странно, не позвонила. Может, уже начались роды? Да вроде рано. А может, просто пробиться не может.

Эдвард Григ. «Пер Гюнт». «В пещере горного короля». Мануал:

— Андрей! У меня нет семьи, детей, жены, любовницы. Вчера я выбросил из квартиры последнее комнатное растение. У меня нет сердца. Я не знаю, что такое жалость. Я трачу на тебя слова и время — единственное, что мне по-настоящему дорого. Если через десять минут Королева не увидит твоего лица, то на моем ты увидишь слезы. Это страшно. Все...